

вопросы которой должны обсуждаться, т.к. она не есть результат применения некоторых всеми признаваемых основных и безусловных правил в конкретных случаях. Биоэтика – это всегда результат действия здравого смысла в каждой определенной ситуации.

Библиографический список:

1. Burgos Velasco J. M. Las convicciones religiosas en la argumentacion bioetica. Dos perspectivas secularistas diferentes: Sadaba y Habermas-Rawls // Cuad. Bioet. XIX. 2008/1. P. 29–41.
2. Sádaba J. Dios ante el Fin-de-Siglo // Nomadas. Revista critica de ciencias sociales y juridicas. URL:<http://redalyc.uaemex.mx/src/inicio/ArtPdfRed.jsp?iCve=18100017&iCveNum=412> (дата обращения: 15.05.2017)
3. Sadaba J. La vida en nuestras manos. Barcelona : Ediciones B. 2000. 296 p.

Иванова Е. В., Рой Н. В.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация. Исследование посвящено поискам смысла жизни и предназначения человека в религиозной мифологии древних культур. Доказывается отсутствие процесса «демифологизации» в современной культуре, подчеркивается скорее «ремифологизация» и востребованность осмысления предназначения человека через актуализацию архаики.

Ключевые слова: миф, религия, религиозная мифология, смысл жизни, предназначение человека.

Осознание конечности своего пребывания на Земле заставляет каждого человека задумываться о смысле жизни, о своем предназначении. Этим вопросом задается не только человек современной цивилизации, он озвучивался уже в трудах античных философов. Можно вспомнить учение античных философов: Аристотеля об энтелехии, Эпикура об эвдемонизме, стоиков, скептиков – о превратностях судьбы и смысле жизни в определенный период времени.

Однако, если взглянуть на этот вопрос с точки зрения религиозной мифологии [5, с. 31], можно проследить несколько моделей смысла человеческой жизни, являющимся актуальными и для современного человека. В данном случае понятия «смысл жизни» и «предназначение человека» будут иметь общее содержание, так как с точки зрения религиозных мифов древних цивилизаций культурные герои/демиурги создавали людей с определенной целью, задавали им смыслы жизни и диктовали правила и значения создания. Варианты «смыслов жизни зависели от культурного контекста, и, несомненно, являлись доминантой человеческого поведения в древних цивилизациях. Однако и сегодня эти смыслы не потеряли своей значимости для человека [5, с. 130].

Первый смысл находим в китайской мифологии. Нюй-Гуа (Нюйва) создавала людей для того, чтобы они веселились и жили счастливо. Поэтому они при своем создании улыбались и радостно прыгали, танцевали, держались как хозяева вселенной. Смысл жизни, прописываемым этим мифом – гедонизм в согласии с природными основами. Интересно, что поэтому в китайской системе мифов нет назидательных мифов о потопах как наказаниях людям за их грехи; борьба людей с потопами рассматривается как обыкновенный природный катаклизм, усмирение которого поручено Богами герою Юю.

Вариант создания людей для восхваления Богов, приношения им даров и радости в работе на земле – индейские мифы творения людей, греческие и египетские. В данном случае в мифологической модели мир делится на две части – небесную и земную, четко разграниченные между собой; смысл жизни человека – жить в гармонии с божественным и профанным. То же самое находим и в иранской мифологии – Ахура-Мазда создает Гайомарта (Гайомартана), который должен прославлять великого Бога Добра и Света и пасти первобыка.

Наиболее тяжелый для восприятия современным человеком смысл сотворения дается в Шумеро-Вавилонской системе. «Племя великих Богов все больше и больше умножалось. Они заселяли небесный свод, поверхность земного диска и подземный мир. Чем больше становилось бессмертных, тем меньше оставалось у них средств для пропитания. Не хватало молока, хлеба, сливок, они терзались муками голода и жажды». После обращения к Нинмах и Энки, они сделали несколько попыток создания человека, указанных нами выше, и в конце концов были созданы мужчина и женщина, сильные и разумные, только бессмертия они были лишены, и должны были смиренно и безропотно служить великой семье Богов и Богинь и помогать божественной деве Ашнан и ее брату Лахару, доставлять в храмы пищу и питье для богов, т.е. фактически работать для пропитания в условиях рабского труда. Каждый раз, когда люди пытались действовать самовольно и добиваться того, что недоступно для них, бессмертные Боги безжалостно смиряли их. Итак, назначение людей в этом мире – повиноваться повелениям Богов и рабски им служить. Именно здесь проходит связь между собственно мифологическими смыслами и религиозными действиями, между мифологией и религией.

Человек и все человечество, однако, живет не так, как этого хотелось бы богам. Все онтологические проблемы существования человека в этом мире прописаны через следующие парадигмальные мифологемы: наказания людей за грехи, происхождения добра и зла, мифы о человеческих чувствах, о героях [4, с. 134].

Мифы «о наказаниях людей за грехи» также еще можно назвать нравоучительными или назидательными. Они как раз и объясняют, что в случае отказа от своего «пути» или предназначения, люди будут наказаны. Схема построения данных мифов следующая: демиурги сотворили людей, те постепенно отходят от заданных образцов поведения, хотят стать «такими же, как сами Творцы», за это они наказаны уничтожением, однако сохраняется кто-то наиболее добродетельный. Чаще всего наказанием служит потоп. Данные сюжеты широко распространены в Вавилонии, Палестине, Сирии, Фригии, в Индии, Древней Греции, на Малайском архипелаге, в Новой Гвинее и Австралии, в Южной, Центральной и Северной Америке. По исследованиям Дж. Фрезера насчитывается до 200 вариантов записанных мифов с данным сюжетом. Возникновение архетипа восприятия потопа как наказания Дж.Фрезер связывает с теми великими географическими катаклизмами, которые, видимо, имели место в древности, однако, «передаваемые народной памятью из поколения в поколение, приняли со временем грандиозные размеры мировых катастроф» [6, с.155]. Всеобщность потопа объясняется эгоцентричностью мифологического мировосприятия, т.к. все, что происходит в мире, происходит только с этим народом и ни с кем больше. Данные мифы в дальнейшем приобретают характер назидательности, достраиваются в соответствии с теми парадигмами, которые требуются для поддержания социальной стабильности в обществе. Например, когда в зороастрийском варианте мифа о потопе Ангра-Манью (злое начало) захотел уничтожить весь мир, Ахура-Мазда (доброе начало) предупредил о потопе Йиму и показал ему средства спасения – построение вары-крепости, куда были собраны все идеальные образцы людей, животных, растений. Варианты мифов о потопе позволяет человечеству еще раз очиститься, стать на путь истинной добродетели, поэтому все же не так важно, на наш взгляд, почему так широко распространены данные типы мифов, а тот смысл, который вкладывается в них и высвечивается тем людям, которые его воспринимают.

Из бытия добра, зла как основных моральных максим следовали поступки человека. Однако в мифах задавались не просто формулы: «Поступай так-то и так-то, чтобы не было того-то и того-то». В определенных сюжетных линиях рассматриваются ценности человеческого существования – верность, храбрость, а наивысшей ценностью с древнейших времен была любовь. Наиболее непредсказуемое чувство (иначе бы не существовало магии любви), настолько интересующее человечество на всех этапах его существования, что до сих пор каждый человек, будь то мужчина или женщина в душе имеет свой миф об идеальной любви. Однако архетипы идеальной любви задавались мифологическим мышлением. Тем более, что они формировали модели верности и преданности в отношениях между любящими мужчиной и женщиной, и если на земле они не могли находиться в брачном союзе, этот союз заключался после смерти. Возлюбленные превращались в вулкан с пирамидой (индейский вариант), лебедей (исландский вариант), в созвездия (китайский вариант). «Поистине скорее могли высохнуть море и истлеть камни, чем ослабнет их любовь». Интересно, что в мифологических традициях задается тот прецедент по отношению к такому великому человеческому чувству, который позже философски был осмыслен Платоном и через многие века получил название «платоническая любовь». Наиболее характерен в этом отношении греческий миф об Амуре и Психее – соединении божественного и человеческого. «Юпитер (Зевс) сказал Амуру: «Когда плотская любовь («eros» по-гречески) и душа («psyche» по-гречески) объединяются, то даже боги не в силах разлучить их» [1, с. 148]. Именно этот сюжет вдохновлял не только обычных людей на божественную любовь, он являлся любимым и в искусстве, которое, как нам известно, выражает высказанные мифом социально значимые ценности и делает их визуально значимыми. Например, знаменитая группа Канове в Лувре выполнена таким образом, что мраморные фигуры Амура и Психеи поражают взор легкостью, возвышенностью. Этот миф, по словам Р. Менара, «соединил в блистательный альянс гениальность формы, услаждающие чувства и гениальность содержания, которое погружает душу в бесконечные мечты. Амур, держащий бабочку над факелом, в поэтическом контексте является символом любовных терзаний, с мифологической точки зрения эта эмблема содержит глубокую спасительную идею очищения огнем страдающей души» [3, с. 409]. Бабочка была символом визуальной формой человеческой души, вот почему крылья бабочки стали атрибутом Психеи. Здесь мы наблюдаем не только констатацию самого любовного сюжета, но в данном мифе заключен глубокий религиозный и философский смысл. Души летали вокруг земли, как бабочки вокруг света, и если приближались очень близко, то уже не могли от нее оторваться и были обречены на жизнь. Они пытались испить чашу жизни, чашу Бахуса, и как только их губы касались священного напитка, они вселялись в тело. Как тут не вспомнить древнее изречение Цицерона «То, что мы называем жизнью – на самом деле настоящая смерть, ведь наша душа начинает жить только тогда, когда, освободившись от телесной оболочки, она проникает в вечность. Древние традиции учат нас, что смерть приходила по велению богов как награда тем, кого они любили».

Таким образом, в мифологических воззрениях жизнь человека неизбежно заканчивалась смертью, от нее было трудно уйти, однако циклы мифов о смерти также задавали человеку в этой жизни определенное направление, ориентировку, смыслы. Нам представляется, что мифологема о смерти строится из нескольких

системных блоков. Нас будет интересовать блок, связанный с реализацией смысла и предназначения, то есть то, как смерть связана с судьбой человека.

Вслед за В. П. Гораном заключить, что в мифологических традициях существуют не просто представления о судьбе, а мифологема судьбы, выраженная семантически через формулу, нить, свечу [2, с. 7]. Надпись на столбе, на камне в сказке, былине – это формулы судьбы. Согласно русским народным верованиям, доля дается каждому человеку или только при рождении, или же трижды: при рождении, браке, смерти. Так проявляет свое господство фатум, рок, участь. Весьма важный момент мифологического повествования, говорящий о том, что человек, не определившийся со своей судьбой, существует «без толку, без смысла». Предопределение будущего в форме придорожной надписи, которое герой русской сказки чаще всего узнает по достижении брачного возраста, а герой былины – на старости, по сути, эквиваленты словам судьбы, произнесенными мифическими существами в момент рождения или в один из переходных моментов в жизненном цикле определенного персонажа и чаще всего, на перекрестке. Мифологический персонаж еще не знает экзистенциальных переживаний героя по описаниям Ж.-П. Сартра или А. Камю, здесь герой не выбирает самого себя, а его выбирают и ведут по пути жизни мойры, роженицы, норны или же в символических «рукодельницах», прядущих судьбу герою. Судьба как фатальная неизбежность, необходимость, предопределенность находилась именно в этих «вневременных» рукодельниц. Различного рода человеческие мастерицы, по сути, дублируют магические действия мифических существ, а их образы как раз и восходят к архетипу «судьбо-прядения».

Итак, нами были проанализированы самые глобальные смыслы человеческого существования, закрепленные в религиозной мифологии. Это – происхождение вселенной, мира, центром которого является человек, назначение и смысл сотворения человека в этом мире богами. Через данные мифемы объяснялись, закреплялись и транслировались цели жизни как социума, так и индивида, являющиеся для них ценностями самого высокого порядка. Через систему основных мифологем прописывались корреляционные механизмы бытия человека в окружающем его мире, а культурными героями задавались социально значимые и индивидуальные смыслы существования, определяемые частными сюжетами и развиваемые человеком в индивидуальном мифотворчестве в последующие времена.

Библиографический список:

1. Бирлайн Д. Ф. Параллельная мифология. М. : КРОН-ПРЕСС. 1997. 336 с.
2. Горан В. П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск : Наука. 1990. 335 с.
3. Иванова Е. В. Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя). Монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 2004. 298 с.
4. Иванова Е. В. Религиозная мифология. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та. 2011. 187 с.
5. Менар Р. Мифология древняя и современная. М. : АСТ. 2000. 800 с.
6. Фрезер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М. : Изд-во политической литературы. 1992. 429 с.

Иванченко М. А.

ПОСТГУМАНИЗМ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БОГОЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья имеет пропедевтический характер к философии эссенциоконгнитивизма. Базовым тезисом является заявление о том, что эволюция человека не окончена, она будет продолжаться через становление трансгуманизма и постгуманизма. Эссенциоконгнитивизм является предельной формой постгуманизма и описывает возможный вариант эволюции человека и становления постчеловека. Также в статье прогнозируются такие основания нового социума, как технологическая сингулярность, кибербуддизм и технократия, которые должны привести к высшему идеалу постгуманизма – Абсолюту.

Ключевые слова: постгуманизм, эссенциоконгнитивизм, сверхчеловек, Абсолют, постчеловек, технологическая сингулярность, эволюция, кибербуддизм.

Философия как наука и метадисциплина много раз представлялась завершенной, в связи с чем предлагались оригинальные концепции ближайшего будущего человека. Параллельно развитие истории философии и ее соединения с другими разделами научного знания привело к появлению «не-человеческих» философий, в частности, спекулятивного реализма. Еще одним ответвлением подобного рода философий являются трансгуманизм, уже широко известный российскому научному сообществу, а также постгуманизм, чье окончательное определение представляется затруднительным. В данной статье мы используем вполне конкретное определение данного философско-научного направления, во многом следуя западной традиции. Актуальность проблемы «конечности» философского знания и идеологий находит свои пролегомены в данной статье, которая имеет преимущественно дескриптивный и прогностический характер, в отношении нового типа философствования, имеющего свои корни в транс- и постгуманизме.